

UNITED WISDOM

Как работает философский аргумент

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W06 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Как работает философский аргумент

Эпиграф

> *Я принадлежу и всегда принадлежал к тем, кто должен руководствоваться разумом.*

Платон, «Критон», начало ответа Сократа о рассмотрении доводов перед решением о бегстве. Короткий фрагмент; собственный перевод UW через английскую версию Бенджамина Джоуэтта. Последующее условие лучших оснований сохраняется в статье; положение Сократа не становится нормой поведения в опасности.

О чём эта статья

Слова «следовательно» и «значит» обещают читателю связь между основанием и выводом. Иногда связь понятна; иногда её создаёт только уверенная интонация. Философский аргумент позволяет рассматривать именно этот переход: что утверждается, почему это предлагается принять и насколько далеко простирается вывод. Мы сопоставим ограниченные места Аристотеля, Декарта, Платона, Конфуция и Милля. Они не образуют единой школы или универсального алгоритма. Вымышленный разговор о рекомендации книги поможет различить посылку, следование, скрытое условие, ценность и возражение. Личный опыт сохраняет значение, но не становится без нового основания требованием ко всем. В конце предлагается добровольное чтение одного небольшого довода, без экзамена на разумность и без обязанности вступать в спор.

I. Утверждение, которое просит оснований

Представим разговор после встречи читательского кружка. Один участник говорит: «Эта философская книга помогла мне, значит, её нужно прочитать каждому». В первой части он сообщает о собственном опыте; во второй предлагает общее требование. Между ними стоит слово «значит», однако оно ещё не показывает перехода. Что именно значит «помогла»? Разобраться в понятии, пережить трудный вечер, принять решение? Почему любой другой человек нуждается именно в этом результате и должен искать его именно в этой книге? Вопросы не отменяют благодарности читателя. Они позволяют увидеть, какое утверждение он готов защищать и какое основание для него действительно назвал. Пример вымышленный; по нему нельзя устанавливать характер или искренность реального собеседника.

Философский аргумент можно начать рассматривать как предложение принять вывод по названным причинам. Это рабочая рамка статьи, не определение всех философских жанров. Диалог, размышление, образ и афоризм могут делать другое; даже в рассуждении не всякая важная мысль имеет форму доказательства. Здесь нас интересует конкретное обещание связи: если мы принимаем эти основания, почему следует принять этот вывод? Иногда связь претендует на необходимость, иногда предлагает более скромное предпочтение или вероятное объяснение. Их нельзя оценивать одним требованием абсолютной достоверности. Но можно попросить автора обозначить силу перехода. Тогда читателю не приходится угадывать, сказано ли «возможно», «обычно» или «обязательно», и подменять одно другим при пересказе.

В нашем разговоре можно временно заменить широкую фразу более точной: «Для меня книга стала полезным поводом подумать о таком вопросе». Такое предложение не хуже потому, что охватывает меньше людей. Оно сообщает больше о действительном основании. Если говорящий хочет пойти дальше и рекомендовать чтение группе, это отдельный шаг: нужны общая задача, подходящий уровень трудности, доступ к тексту и возможность отказа. Личный опыт остаётся одной причиной предложения, но не превращается без дополнительных оснований в обязанность всех. Работа аргумента начинается именно здесь, в переходе между предложениями. Мы рассматриваем его, а не требуем от человека оправдать сам факт, что книга ему дорога или что он захотел ею поделиться.

II. Следует ли вывод из посылок

В первой книге «Первой аналитики» Аристотель различает посылку, термин и силлогизм. Посылка утверждает или отрицает одно о другом; утверждение может быть общим, частным или неопределённым. В определении силлогизма важно, что из положенного следует нечто иное с необходимостью. В начале I.4 Аристотель отдельно отмечает, что не каждый силлогизм является доказательством. Это ограниченное чтение I.1 и начала I.4 в переводе А. Дж. Дженкинсона. Оно даёт опору различению формы перехода и более требовательного знания, но не означает, что вся философия состоит из силлогизмов. Наш современный пример служит пояснением статьи; Аристотель не обсуждал читательский кружок, согласие участников или эту книгу. Аристотель, I.1 и начало I.4.

Проверка перехода на время допускает посылки и спрашивает, может ли вывод всё же оказаться ложным. Допустим, все тексты, которые группа добровольно выбирает для общего обсуждения, будут прочитаны на встрече; эта книга выбрана группой; значит, её прочитают на встрече. В таком условном построении вывод связан с посылками. Однако первая посылка может быть слишком сильной для настоящего кружка: кто-то не успеет, встречу отменят, текст заменят. Мы не доказали реальное будущее тем, что получили

последовательное условное рассуждение. Если же из «некоторые участники прочитали книгу» вывести «все участники прочитали книгу», переход не выдержит даже временного принятия посылки. В обоих случаях вопрос ясен, но обнаружены разные проблемы: основание и связь.

Такое различение полезно ещё и при несогласии. Один читатель может сказать: «Я понимаю, как ты пришёл к выводу, но не принимаю исходное требование». Другой: «С твоим исходным наблюдением согласен, но общего требования из него не вижу». Эти ответы не равнозначны и требуют разных продолжений. В первом случае обсуждают основание, во втором — недостающий переход. Называть любую критику нелогичностью слишком грубо: человек может оспаривать правдоподобие, значение слова, применимость условия или саму цель. Для нашего примера достаточно не смешать две проверки. Посылки способны оказаться верными при недостаточном выводе, а стройное следование не делает посылки установленными. Без этого легко принять красивое построение за знание о людях, которых оно вообще не рассматривало.

III. Слова и незаявленный переход

Вернёмся к слову «помогла». Если в посылке оно означает «мне было интересно», а в выводе — «необходимо для ответственного поведения», смысл меняется по дороге. Одно слово создаёт видимость общей опоры для разных утверждений. Можно раскрыть его дважды: «Мне было интересно читать; поэтому каждый обязан прочитать». Теперь нехватка основания видна без специальной терминологии. Важны также «каждый» и «нужно». Каждый человек вообще или каждый желающий участвовать в конкретной встрече? Нужно по правилам заранее выбранного курса или желательно по мнению одного читателя? Уточнение не превращает разговор в экзамен по словарю. Оно сообщает, в каком отношении предложение должно быть верным и кто вправе решить вопрос о своём участии.

Затем можно дописать предполагаемую недостающую посылку: «Всё, что было полезно одному участнику, должны делать все». Это не обвинение в тайной мысли. Автор мог вообще не формулировать такой принцип, и следует дать ему возможность предложить другой. Но явная версия позволяет проверять переход. Например, занятие, доступное одному, может быть недоступно другому; книга на знакомом языке одному не подойдёт другому; полезная тема не обязательно требует единственного текста. Эти случаи показывают трудность общего принципа. Они не доказывают, что читать вредно или рекомендация всегда неуместна. Можно отказаться от универсальной посылки, сохранив скромное предложение. Тогда изменяется сила вывода, а личный рассказ не приходится объявлять ни ложным, ни бесполезным.

Некоторые предпосылки остаются общими и незаметными, пока разговор идёт гладко. Мы предполагаем, что говорим о той же книге, что встреча имеет определённую цель и что приглашение не означает санкции за отказ. При споре часть этого приходится назвать. Не обязательно перечислять все предпосылки человеческой жизни; достаточно тех, от которых зависит обсуждаемый вывод. Если рекомендация предполагает бесплатный доступ, а текст дорог или имеется только в неудобном формате, меняется практическая применимость предложения. Это ещё не спор об истинности философской идеи книги. Отделение содержания от условий участия оставляет обе темы открытыми. Аргумент можно ограничить подходящей аудиторией, предложить иной формат или закончить вопросом, когда нужного основания у нас пока нет.

IV. Разделить трудность, сохранив вопрос

Во второй части «Рассуждения о методе» Декарт излагает четыре правила собственного поиска: не принимать за истину неясное, разделять трудности, идти от простого к сложному и проверять полноту рассмотрения. Прочитан этот фрагмент с его критикой прежней логики и математическим продолжением в переводе Джона Вейча. Требование ясности находится внутри исторической программы достоверного знания, а не современной инструкции для любого спора. Для нашей темы особенно заметна возможность разобрать сложное утверждение на части. Это современное сопоставление, которое не обещает достижения декартовской достоверности. Правила также не дают права объявить ложным всё, что пока неясно читателю, или считать личное чувство очевидности достаточным основанием для требования к другим. Декарт, часть II.

Предложение о книге можно разделить на три вопроса. Как участник описывает свой опыт? Какую мысль книги он считает верной? Почему предполагает общее чтение подходящим действием? Для первого важен его рассказ в собственном масштабе; для второго — содержание и аргумент текста; для третьего — задача и условия группы. Ответ на один вопрос не отвечает автоматически на остальные. Участнику могло быть интересно читать ошибочное рассуждение; верная идея может быть изложена трудно; полезный текст может не подходить для сегодняшней встречи. Разбор не обесценивает книгу. Он позволяет защитить именно то, что в ней хочется предложить, вместо того чтобы одной приятной оценкой поддерживать сразу истинность, удобство и обязательность общего решения.

При разборе важно затем собрать вопрос обратно. Если встреча нужна для обсуждения понятия справедливости, список технических уточнений не должен вытеснить само понятие. Мы можем понять условия чтения и всё ещё не знать, убедительно ли рассуждение автора о справедливости. Можно разобрать предложения по отдельности и

потерять связь между ними; поэтому после уточнений стоит вновь назвать вывод и причины. Не требуется бесконечная ревизия каждой фразы. Завершением может быть ограниченное понимание: мы нашли спорную посылку, не исследовали другой вопрос и можем вернуться к нему позже. Такая остановка отличается от уверенного заявления, что раз все части аккуратно записаны, проблема решена. Запись делает ход мысли доступным, но не заменяет дальнейшего содержательного рассмотрения.

V. Рассматривать основание вместе

В «Критоне» Платона Сократ находится в тюрьме, а Критон предлагает бегство и приводит доводы о друзьях, репутации и детях. В прочитанном отрывке 46b–47a Сократ просит рассмотреть прежние основания в нынешних обстоятельствах и допускает лучшие основания вместо прежних. Это диалог о конкретном выборе перед смертью, переданный Бенджамином Джоуэттом, не спокойная современная беседа о книге. Мы берём из него внимание к доводам, сохраняя отличие ситуации. Начало разговора не разрешает требовать от другого стойкости перед опасностью, отвергать помощь или подчиняться несправедливому решению. Историческое решение Сократа не переносится на жизнь читателя как обязательный образец. Платон, «Критон», речь Сократа о пересмотре оснований.

В кружке совместное рассмотрение можно начать с вопроса: «Правильно ли я понял, что ты предлагаешь эту книгу как один возможный путь к нашей теме?» Это не искусство заставить человека принять заранее выбранный ответ. Собеседник может уточнить: он предлагает весь текст, один отрывок или просто мысль, которую хочется обсудить. После уточнения возражение становится адресным. Вместо «ты всегда навязываешь» можно сказать: «Я не вижу основания делать полный текст условием участия». У человека остаётся возможность ответить на вопрос о предложении, а не защищать весь характер. Но никто не обязан вступать в такой разговор. Пауза, письменный комментарий или отказ от обсуждения тоже возможны; совместность требует готовности обеих сторон, а не правильной формы вопросов.

Изменение мнения при новом основании не обязательно означает отказ от принципов. Человек может сохранить ценность доступного обсуждения и потому изменить первоначальную рекомендацию. Прежде он не знал о трудности формата; теперь предлагает отрывок или другой текст. В нашем примере это не доказательство морального роста, а обычная возможность пересмотреть предложение. Бывает и наоборот: новый довод не меняет исходного мнения, потому что не относится к его основанию. Если вопрос был о содержании аргумента, удобство встречи не решает его истинности. Тогда полезно назвать два отдельных вывода. Такой разговор допускает

совпадение по одному пункту и несогласие по другому, не превращая участников в команды, которым нужно либо полностью победить, либо полностью уступить.

VI. Что показывает возражение

Возражение можно направить на вполне определённое место. Если утверждается, что каждый участник обязан читать именно эту книгу, достаточно представить участника, для которого обязательность не обоснована: он уже знаком с рассматриваемой идеей по другому тексту или не соглашался на такой формат. Такой случай оспаривает универсальное требование, а не качество всей книги. Если утверждается более скромное «нескольким желающим чтение может быть интересно», тот же случай не опровергает его. Масштаб возражения должен соответствовать масштабу вывода. Иначе мы исправляем сильное утверждение, а затем продолжаем нападать так, будто оно осталось прежним. Честное рассмотрение замечает изменение формулировки. Оно также оставляет возможность, что пример пока недостаточно определён: нам нужно уточнить правило участия, а не сразу объявлять победу над чужим доводом.

Предположим теперь, что ведущий заранее предложил встречу для тех, кто прочёл выбранную книгу, и люди добровольно согласились с этим условием. Тогда довод об отказе другого участника имеет иной смысл: этот человек может не участвовать в данной встрече, но не обязан быть исключён из всякого обсуждения вообще. Мы получили другой случай, а не отменили необходимость проверять основания. Условия могут быть ясными и при этом недоступными части желающих; группа вправе рассмотреть дополнительный формат. Из существования предварительного соглашения не следует, что оно не может быть пересмотрено. Из трудности соглашения не следует, что любое условие недопустимо. Работа с возражением требует сохранить обстоятельства, на которых держится вывод. Когда обстоятельства меняются, прежний ответ нужно оценивать заново, не подменяя ситуацию словесным сходством.

Не всякое возражение требует немедленного ответа. Иногда оно обнаруживает, что в тексте отсутствуют нужные сведения; иногда указывает на вопрос, который автор не рассматривал. Можно сказать: «Этот довод я пока не оценил». Это точнее, чем ответить впечатляющим сравнением из другой области и выдать его за решение. В нашем примере ссылка на известного философа не устанавливает доступность формата для конкретной группы. А рассказ о неприятной встрече не показывает ошибочности философского положения. Оба могут быть важны, но для разных вопросов. Следует также различать неспособность ответить сейчас и доказанное отсутствие ответа вообще. Остановка даёт место продолжению, проверке текста или иной компетенции. Она не требует ни бесконечного спора, ни притворного согласия, ни отказа от всех прежних убеждений сразу.

VII. Когда основание выражает ценность

В «Лунь юй» Цзы-гун спрашивает о слове, которым можно руководствоваться всю жизнь, и Конфуций отвечает о взаимности: не делать другим того, чего не желаешь себе. В использованной редакции перевода Джеймса Легга это XV.23; в распространённой современной нумерации — XV.24. Прочитаны также соседние изречения о словах человека и об основаниях похвалы. Здесь нравственное наставление, а не формальный силлогизм или вывод из измеренных предпочтений. Мы сопоставляем его с вопросом о ценностной посылке, не приписывая Конфуцию всю нашу схему аргумента. Историческая рамка добродетели и отношений остаётся его рамкой; современные условия добровольного кружка и права отказа формулирует статья. Легг, XV.22–24 в его нумерации.

В предложении о чтении может находиться ценностная посылка: «Хорошее обсуждение должно оставлять участникам возможность осмысленно участвовать». Даже если все согласны с ней, остаётся вопрос, какие условия действительно дают такую возможность. Одному нужен полный текст, другому — доступный отрывок, третьему — время заранее. Согласие о ценности не устанавливает автоматически единственный способ её воплощения. И наоборот, различие способов не обязательно означает различие главных ценностей. Важно назвать, что именно мы защищаем. Если защищается удобство ведущего, его не следует незаметно представлять как всеобщую обязанность читателей. Если защищается глубина обсуждения, можно говорить о нужной подготовке без унижения тех, кто пока не участвует. Это авторское рассмотрение вымышленной ситуации, не дополнительная строка древнего текста и не доказанная модель любой совместной работы.

Правило взаимности также нельзя использовать как способ угадать чужую потребность по собственной. Если я люблю подробные вопросы о книге, это не означает, что другой любит их в конце тяжёлого дня. Наш современный переход от нравственного ориентира к конкретной встрече нуждается в знании обстоятельств и согласии людей. Ссылка на ценность позволяет объяснить намерение, но не заменяет разговора о применении. Поэтому аргумент о действии включает больше, чем верность отвлечённого принципа. Нужно видеть, кому предложено действие, какова его цена и доступны ли другие формы. При этом мы не выводим из разных потребностей, что никакого общего принципа обсуждать нельзя. Мы оставляем различимыми принцип, его толкование и предложение здесь и сейчас; каждый уровень может получить собственное основание или остаться спорным.

VIII. Услышать сильную другую сторону

Во второй главе «О свободе» Джон Стюарт Милль пишет о знании оснований своего мнения через встречу с противоположными доводами. В прочитанном месте, страницы 66–69 показанного издания, недостаточно слышать чужую позицию только в изложении собственных учителей: важны доводы тех, кто действительно её защищает. Это часть его исторического рассуждения о свободе обсуждения. Мы не превращаем отдельный фрагмент в обязанность каждого человека спорить с любым собеседником или в описание нынешнего права. Для темы аргумента он поддерживает внимание к содержательному возражению, а не только к удобной версии, которую легко отвергнуть. Остальная наша рамка — добровольность встречи, частная жизнь и право завершить разговор — требует собственных оснований и не выдаётся за цитату Милля. Милль, глава II.

В кружке слабая версия возражения могла бы звучать так: «Другие просто не любят думать». Она ничего не сообщает об основаниях отказа. Более сильная версия: «Мы хотим обсуждать ту же тему, но полный текст недоступен некоторым участникам; общее условие может исключить их». Теперь приходится отвечать о цели, доступности и форме, а не о предполагаемой лени. Сильная версия исходного предложения тоже важна: «Общий текст помогает нам обсуждать один конкретный аргумент, а не только разные впечатления». Мы можем признать эту цель, не принимая единственного формата. Работа обеих сторон может привести к чтению короткого фрагмента с контекстом или к двум встречам. Это возможные ответы нашего примера, не подтверждённый рецепт разрешения любых разногласий. Открытое обсуждение не гарантирует согласия и не делает все доводы одинаково обоснованными.

Представить сильное возражение не значит согласиться с ним или дать ему бесконечное время. Можно описать его собственными словами и предложить собеседнику поправить существенное искажение, если он хочет участвовать. Можно также самостоятельно читать доступную позицию и назвать границу своего понимания. Нельзя требовать от отсутствующего человека подтвердить наше изложение или использовать его личные сведения без разрешения. Если разговор стал унизительным, право прекратить его не зависит от способности мгновенно опровергнуть каждую фразу. При работе с текстом остаётся возможность отделить анализ довода от продолжения общения с конкретным человеком. Это разные решения. Отказ от встречи не доказывает ложность идеи; хорошая идея не даёт права принуждать к встрече. Аргумент должен оставаться предметом рассмотрения, а не пропуском к чужому времени или личной жизни.

IX. Вывод в его действительном масштабе

После рассмотрения можно вернуться к первоначальной фразе и выбрать более обоснованный вывод. Например: «Мне была полезна эта книга; предлагаю желающим обсудить такой отрывок, если формат подходит». Здесь личный опыт не исчез, предложение стало конкретнее, а всеобщая обязанность снята. Это ещё не доказательство правильности каждой идеи отрывка. Для него нужен собственный разбор. Мы также не установили, что никакая общая подготовка никогда не нужна: другое добровольное занятие может иметь понятные условия. Важно, чтобы финальная фраза соответствовала пройденному пути, а не возвращала незаметно прежний сильный вывод. Если рассмотрение поддержало только возможность, в конце не следует писать необходимость. Если основания относятся к данной группе, их нельзя без нового шага распространить на всех людей или любое обучение.

Философское рассуждение может закончиться и без согласованного решения. Мы увидели, что одна сторона принимает принцип общего текста, другая предпочитает доступность разных путей, а нужного сопоставления пока не сделали. Это содержательный промежуточный результат, если точно названы основания и открытый вопрос. Он не равен утверждению, что истины нет или любое мнение годится. Возможно, конкретный довод оказался слабым; возможно, у нас недостаточно прочитан контекст; возможно, конфликт касается цены действия, а не значения понятия. Разные незавершённости нужно назвать по-разному. Тогда дальнейшее чтение имеет предмет. Мы ищем пропущенную посылку, более точное определение или сведения об условиях, вместо того чтобы снова начинать весь спор со слов «за» и «против» одной книги, будто только эти две позиции существуют.

Аристотель помогает различить посылку и необходимое следование; Декарт предлагает исторический порядок рассмотрения; платоновский диалог показывает проверку оснований в изменившейся ситуации; Конфуций даёт нравственный ориентир; Милль обращает к серьёзной другой стороне. Эти опоры не сливаются в единую доктрину и не гарантируют безошибочного решения. Связь между ними построена статьёй ради ограниченного вопроса: как сделать довод доступным рассмотрению. У нас остаётся право ценить книгу без общего требования, предлагать идею без принуждения, оспаривать переход без оценки личности и удерживать неизвестность там, где работа ещё не сделана. Аргумент работает настолько, насколько действительно названные основания поддерживают действительно сформулированный вывод. Следующий читатель должен иметь возможность увидеть этот путь, уточнить его или найти место, где ему нужно другое основание, а не просто поверить уверенной последней фразе.

Что это значит на практике

Если хотите, выберите один небольшой довод о книге, понятии или несущественном бытовом предложении. Не используйте эту практику для срочного решения, чужой личной истории или оценки способности человека мыслить. Можно работать с вымышленным примером статьи. Участие добровольно; завершить запись без разговора с кем-либо тоже можно.

Перепишите вывод одной фразой. Отдельно назовите предложенные основания, не усиливая их. Отметьте важное слово: например, «все», «нужно» или «полезно». Что оно значит именно здесь? Если переход требует ещё одной посылки, запишите её как вашу предположительную реконструкцию, а не тайное убеждение автора. Можно оставить вопрос, когда подходящего основания не видно.

Проверьте две разные вещи. Если временно принять основания, достаточно ли их для сформулированного вывода? Затем спросите, почему сами основания следует принять и к каким обстоятельствам они относятся. Предложите одно содержательное возражение в его сильной форме. Не требуется искусственно найти равную другую сторону у любого утверждения или решить вопрос, для которого вам недоступны сведения.

В конце запишите вывод в масштабе, который действительно поддержан: возможность, условное предложение, более узкое утверждение или открытый вопрос. Отдельно назовите то, чего вы не проверяли. Если запись касается будущего совместного действия, она не заменяет согласия участников. Это способ рассмотреть один ход мысли, не гарантия правильности решения или успеха разговора.

Ключевая цитата

> *Но не каждый силлогизм является доказательством.*

Аристотель, «Первая аналитика», I.4, начало. Собственный перевод UW через английский перевод А. Дж. Дженкинсона. Короткая часть предложения о соотношении силлогизма и доказательства; не утверждение, что всякое рассуждение должно иметь только эту форму.

Связи между традициями

Опора	Что рассматривается	Сохраняющийся предел
Аристотель, I.1 / начало I.4	Посылка, необходимое следование, доказательство	Не вся философия сводится к силлогизму
Декарт, часть II	Разделение трудности и порядок поиска	Историческая программа достоверности не даёт готового ответа на любой спор
Платон, «Критон», начало ответа	Прежние и лучшие основания в новых обстоятельствах	Решение перед смертью не переносится как обязанность читателя
Конфуций, XV.23 у Легга	Нравственный ориентир взаимности	Наставление не является формальным доказательством или угадыванием чужой потребности
Милль, II, страницы 66–69	Серьёзные противоположные доводы	Не обязанность вступать в любое общение или описание нынешнего права
Авторская рамка UW	Проверка перехода в вымышленной рекомендации	Упражнение не доказывает эффективности и не заменяет согласия

Первоисточники

1. Аристотель, «Первая аналитика», I.1 и начало I.4. Английский перевод А. Дж. Дженкинсона, Internet Classics Archive. Определения посылки и силлогизма, различение силлогизма и доказательства; не полный трактат. RU цитата — собственный перевод с этой версии.

2. Декарт, «Рассуждение о методе», II. Английский перевод Джона Вейча, Gutenberg 59. Четыре правила с предшествующим обсуждением логики и математическим продолжением; исторический проект достоверности не универсальная инструкция.

3. Платон, «Критон», начало ответа Сократа о пересмотре оснований. Английский перевод Бенджамина Джоуэтта, Internet Classics Archive. От предложения Критона до начала сравнения с искусством тренера; не весь диалог. RU эпиграф — собственный перевод через эту версию; решение о бегстве не предписание читателю.

4. Конфуций, «Лунь юй», XV.22–24 по Леггу. Перевод Джеймса Легга, редакция 1893, сверенная с другой транскрипцией. Взаимность здесь XV.23, обычно XV.24; соседние изречения дают контекст, не формальную теорию аргумента.

5. Милль, «О свободе», II, страницы 66–69. Английский оригинал, работа 1859 года, показанная транскрипция Gutenberg 34901. Знание противоположных оснований; не вся глава, не нынешняя юридическая норма.

Теги

философия, аргумент, рассуждение, посылка, вывод, основание, следование, силлогизм, доказательство, определение, ясность, понятие, условие, контекст, возражение, пример, контрпример, ценность, взаимность, диалог, чтение, книга, рекомендация, согласие, доступность, пересмотр, граница, неизвестность, Аристотель, Декарт, Платон, Конфуций, Милль

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.